

Творческое прочтение классики

Горьковская повесть «Фомы Гордеева» и пьеса Д. Маммина-Сибиряка «На золотом дне», каждая по своему, воскрешают образы темного царства, где власть денег ломает и губит человеческие судьбы, растравляет души.

В сценическом воплощении этих произведений театр имени Евг. Вахтангова проявил большую творческую смелость, глубокое понимание авторского замысла, выдавшееся актерское и режиссерское мастерство.

Разумеется, характер творческих работоргов, примененных к театру, в обоих случаях различен и определяется своеобразием литературного материала.

В «Фоме Гордееве» театр сумел любовно и проникновенно воспринять то человеческое, прекрасное и поэтическое, что, как показывал Горький, пробивалось в людях и мощно противостояло темному царству кинжины. Творческий подход театра здесь выразился, пожалуй всего, в исключительно удачной, умной инсценировке повести. Автор инсценировки, он же постановщик спектакля, народный артист СССР Р. Симонян сумел вписать в тесные рамки чужеродной пьесы все наиболее значительное в повести. Даже самые непримиримые противники переработки для сцены повестей и романов не могут не признать, что эта инсценировка смотрится, как вполне адекватная пьесе, с последовательно и напряженно развивающимся действием, с тщательно выписанными характерами, с живым и драматическим диалогом.

Как и в повести, центральное место в спектакле занимает образ Фомы.

«Эта повесть, — писал сам Горький о «Фоме Гордееве», — «должна быть широкой, содержательной картиной современности, и в то же время, на фоне ее должен был бы встать энергичный здоровый человек, ищущий дела по силам».

Гастроли Московского театра имени Евг. Вахтангова в Киеве

ищущий простора своей энергии. Ему тесно. Жизнь давит его».

Вешено бьетесь в поисках смысла жизни, добра и правды купеческий сын Фома Гордеев, которого с глубоким проникновением в суть образа играет Г. Абрикосов. В спектакле этот образ дан в развитии. Перед нами в первой оценке еще очень молодой человек. «Канити-то буду?» — с огромной душевной тревогой восклицает он в момент смерти отца. За какое дело влязть? Для чего жить, для чего работать и награждать деньги? — эти вопросы не перестают тревожить Фому, и он пытается найти среди окружающих его человека, который понял бы его, поддержал. Горький неудачно испытывает он в этих поисках. Доварчиво, неискреннее сердце Фомы потянулось к женщине, обманувшей его своим фальшивым обликом. Холодная и порочная натура скрыта в Софье Медынской всякой и хрупкой внешностью. Л. Даликовская тонко и верно, скупыми средствами рисует этот типичный характер.

Чем ближе узнает Фом Гордеев людей, среди которых ему приходится жить, тем острее чувствует, как чужд ему этот мир. Фомы, в которые выливается его протест, нелепы и безобразны: он предается грубому разгулу. Но сколько душевной муки, страстного стремления и лучшей жизни, чувствуется у Фомы — Г. Абрикосов даже в минуты глубокого падения.

В душе Фомы звучит то хорошее поэтическое, что развито в окружающую жизнь народа, что чувствуется в чудесной русской песне, несущейся на волжских берегах, в красоте природы. Даже

в трагическом финале пьесы, где Фома терпит поражение в неравной борьбе с темным царством кинжины, — театр дает нам ощутить кану-то устремленность в будущее, заставляет верить в неуничтожимую силу мечты о лучшей жизни.

С неопределимой силой звучит в спектакле утверждающее начало человечности. В этом выразилось глубокое понимание театром одной из важнейших тем горьковского творчества — темы человека, рвущегося из своего, но чуждого ему по духу, классового окружения.

Это враждебное Фоме окружение показано в спектакле с большой жизненной убедительностью, во всем многообразии индивидуальных характеров. Прежде всего следует выделить такие замечательные образы, как Яков Мажин в исполнении И. Толчанова, Игнат Гордеев (Н. Бунов), Тарас Мажин (Н. Плотноков).

Первые два принадлежат к старшему поколению русского купечества. В них ясно оплутны национальные черты, язык их насыщенный меткими, острыми словами и выкриками. Так и сыплет ими умный, подвижной, неутомимый в делах старик в алчущих слухах и сапогах — Яков Мажин. Значительные, идущие от души слова находит в предсмертной своей беседе с сыном Игнат Гордеев.

К другой, позднейшей формации купечества принадлежит Тарас Мажин. У артиста Н. Плотнокова он — истинный сын своего отца по крепкой деловой хватке, но совершенно иной по внешнею облику и еще более черствый внутренне. Под европейским «лоском» видна в нем холодная расчетливость и бесчеловечность.

Высокая культура театра сказывается при постановке «Фомы Гордеева» и в том, что роли «второго плана», подчас совсем незначительные по объему, исполняются с предельной тщательностью и мастерством. Спектакль огустен в

спокойной реалистической манере, о точном, но не лишнем подчеркнутым воспроизведением бытовой обстановки. В некоторых случаях постановщик прибегает к более свободным приемам, вынося действие на просцениум, перед занавесом. Так дана, например, сцена похорон Игната Гордеева, проходящая на фоне церковного пения. Выразительно контрастирует с этой краткой и мрачной картиной веселое оживление в купеческом клубе, показанном непосредственно после того, как с просцениума удалась последняя темная фигура со слезой.

Тонкие и умные режиссерские находки, талантливые исполнение большинства ролей, все это помогает нам воспринять с полной жизненной конкретностью известных по чтению горьковской повести, мрам Гордеевых, Мажинских, Ухтинцевых. Мы как бы встречаемся со знакомыми людьми, видим живые образы, так удивительно похожие на те, которые вставали в нашем воображении, когда мы читали Горького. Глубокому восприятию зрителем идейно-художественного замысла спектакля способствует замечательное оформление, осуществленное народным художником СССР К. Юоном, и музыка Г. Архангельского.

Нная задача стоила перед коллективом театра при постановке пьесы Д. Маммина-Сибиряка «На золотом дне», почти известной широкому зрителю. Надписываясь сорок лет назад, она при жизни автора не имела большого успеха. Сценическая жизнь ее была коротка. Между тем, как показывал спектакль в театре имени Евг. Вахтангова, пьеса эта при творческом прочтении текста представляет интересный и благодарный материал для воплощения на сцене. Имя его творчески, смело, с хорошей выдумкой подошел и второй пьесы театр, и в первую голову постановщик спектакля заслуженный артист РСФСР А. Раминюк.

Социальная среда, остробная в пьесе Д. Маммина-Сибиряка, близка к купеческому миру, где развешены действия «Фомы Гордеева». Но тема пьесы «На золо-

том дне» — другая. Положительные силы общества здесь почти не наши своего страдания. В этом мире хищников, поодиночке друг друга из-за золота, шт. своего Фомы Гордеева, который бы осознал мерзости окружающей его жизни и рвался бы из нее.

Написанная с прекрасным знанием уральского быта, с насмешливым драматургическим умением, ярким, выразительным языком, пьеса Д. Маммина-Сибиряка обладает, однако, и некоторыми слабостями. Это, прежде всего, неопределенность авторского отношения к выходящим им персонажам, отсутствие того идейно-эмоционального наката, той страстности обличения, которые составляют силу русской классической драматургии и которая в столь высокой мере присуща Горькому. Мамин-Сибиряк нет, нет да и соскальзывает в этой пьесе в некое безразличное бытописательство, выписывая «важненькие типы» и рассуждаясь от произнесения своего «срифговора» над действительностью, как этого справедливо требовало от художника Чернышевский.

Васлугой театра, поставившего пьесу, является то, что именно этот недостаток ее он в значительной мере восполнил — разумеется без произвольного изменения текста. На сцене у вахтанговцев более резкими, четкими стали образы пьесы, глубже раскрылись внутренние пружины, движущие персонажами в их действиях и поступках.

Выходящая в духе бытового реализма и жизненного правдоподобия, постановка «На золотом дне» отличается, вместе с тем, смелостью и разнообразием приемов. До совершенной неузнаваемости превращается в образе развешенного золотопромышленника Тихона Молокова актер Н. Гриценко. Заросший, пыльный, вечно готовый расправиться рукоприкладством с кем угодно, Тихон — Н. Гриценко ошелом и мерзок, — потому что смешно и мерзко самоуверенно окаявшегося не у дел стяжателя, выбитого из привычной колеи своей жизни.

Актёр и режиссер не боятся показывать Тихона Молокова во всей

его неприглядности, пользуясь при этом такими игровыми приемами, которые могли бы показаться «натуральстескими», а в некоторые влучаях и «гротескными», если бы все это не было последовательно подчинено одной задаче — раскрыть характер, передать состояние персонажа.

Когда Молоков с грозным рыком, выпучив маленькие, мутные от пьяного угара глаза, грозит всем и каждому расправой, или когда он вымачивает в водке ремешок, чтобы «проучить» свою глупую жену, — мы чувствуем, что он «журажится», срывая на окружающих горькую обиду: ведь его обидели, обвели вокруг пальца, разорили!

Но вот он оказался в таком положении, что и рассердиться «ниа плучет» не может: его развешел Засыпкин — муж его дочери Анисы, спавший ее от бедности. Как же быть, как невинность этого брака? И Тихон пасивничает, доживает до полной потери представления об окружающем. Приплясывая и ломаясь, появляясь он, вместе со своим соучастником, адвокатом Велосновым, в финальной сцене, не замечая расправленного на полу тела Анисы, которую только что убил Засыпкин. Так с начала до конца последовательно и логично развивается образ Тихона Молокова Н. Гриценко, проявивший в этой роли новые, неожиданные стороны своего артистического дарования.

Интересно, глубоко продуманно, с блестящим артистическим темпераментом играет Анисью молодая актриса Ю. Ворсилова. В первой оценке — перед нами девушка, окаявшаяся в «ловороном» положении «бедной известки», к тому же «попнутой». Но горе и обида в этой цепкой и уверенной в себе красной женщине быстро сменяются твердым намерением добиться богатства хотя бы ценой брака со стариком. И вот она уже брызжет, помынаясь всеми, начиная от старого мужа и до влюбленного в нее приказчика Вади, которого она толкает на грязные дела. Вся ее жизнь в доме богатого золотопромышленника Ивана Засы-

пина проникнута желанием отомстить, отплатить злом на зло, причиненное ей, и на это уходит ее молодая, кипучая энергия.

Сдержанно, без наигнания играет Иван Тимофеевич Засыпкин Н. Бунов. Внешне не лишней благообразия и даже известного обаяния, Засыпкин у Н. Бунова — натура, чуждая всякой человечности.

Без наигнатурности, но острыми комедийными штрихами рисует И. Липский чрезвычайно характерную фигуру адвоката Велоснова, прихлебателя у стола богатых козлов. В нем плане, с предельной протесной заостренностью дан в спектакле образ старой няньки в доме Засыпкина — Мосовы. Артистка Е. Понсова проявляет и здесь свое замечательное мастерство перевоплощения, находя исключительно своеобразные и характерные комедийные черты — в мимике, жесте, интонации, деталях костюма. Можно, однако, было бы поспорить с театром по поводу трактовки этого образа в целом гротескном плане. Ведь именно в уста Мосовы алагает драматург мудрые слова о злоде воле, о том, что из-за него люди режут друг друга — «один рекут, другие плучут».

К тем, кто «плучет», и жертвам жестокого мира, в пьесе принадлежит безотвратная страдающая дочь Засыпкина — Лена (Т. Коптева) — жалкий «бывший человек» — вполне разорившийся золотопромышленник Харитон Харитонович (В. Покровский).

В целом сценическое воплощение пьесы Д. Маммина-Сибиряка является несомненно заслуживающим, «Он сумел усилить социальную направленность этого произведения, сообщить его образам ошущенную живую и конкретную».

Постановка обеих пьес в театре имени Евг. Вахтангова может служить примером творческого прочтения классики, смелости художественных приемов и, вместе с тем, их строгого подчинения идейному замыслу.

Е. СТАРИНКЕВИЧ.